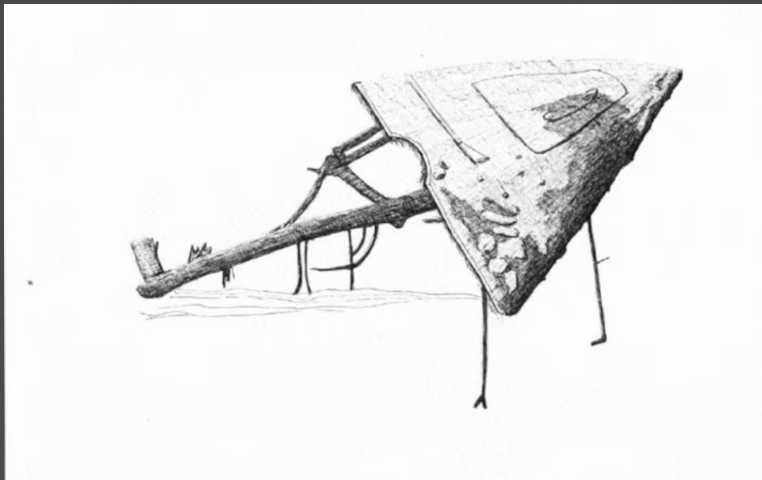

Обретение нежности

· 04 января 2019 · Декабрь 2018 · Ревью ·

Графика из первой части выставки. Серия «Воспные машины». Предоставлено художником.

Анастасия Вепрева / «Легко»

4 декабря 2018 — 8 января 2019, ВЛНХ, павильон «Космос»

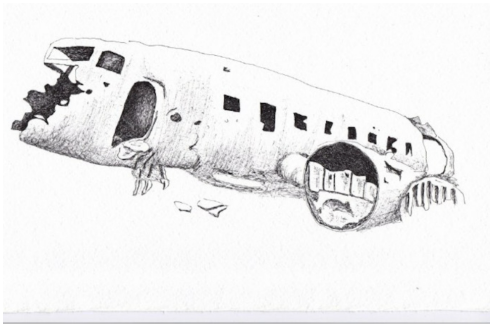
Мир печали и мир слабости. Мир, где обломки разбитых (получивших ли всё же свободу?) самолётов похожи на ветви — и покойны, будто растут.

Писательница и художница Анастасия Вепрева под грифом «Легко» (это название её выставки) говорит о тяжёлых вещах — парадокс, несоответствие, который был отмечен многими: кураторами, рецензентами, интервьюерами. Но конечно, это не парадокс, не данность, это — процесс, это интенция. Лёгкость — ключ к шифру, начало цепочки.

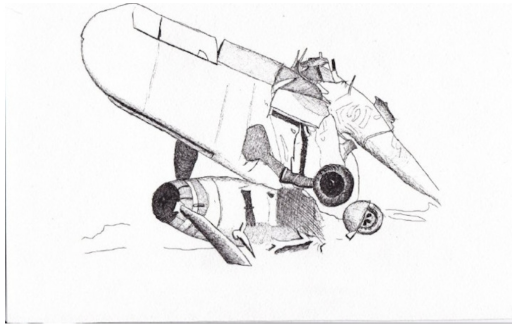
Ещё один ключ — слабость, декларированная в сопровождающих текстах. Слабое и лёгкое — что это может быть? Дуновение? Касание? Дыхание в конце концов.

Обломки самолётов, одичавшие, обесформившиеся: они точно больше не взлетят. Во всяком случае, наяву, где они вынуждены носить в себе людей, *служить*. Ничто не прервёт их сон, тот, в котором они свободны. Сон как возможность не-быть, продолжая дышать, обретая лёгкость.

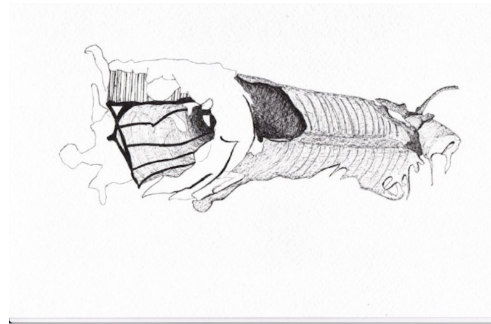
У Вепревой объекты, которые привычно считать не-живыми, приобретают качества, ассоциируемые с жизнью. Не обязательно с человеком, но обязательно с чувствами, связями, ощущениями. Объекты тоскуют, они мечтают, стремятся и пытаются остановиться. Они обретают нежность.

Графика из первой части выставки. Серия «Военные машины». Предоставлено художником.

Графика из первой части выставки. Серия «Военные машины». Предоставлено художником.

Графика из первой части выставки. Серия «Военные машины». Предоставлено художником.

Объединённые в большие и многосложные композиции, человеческие тела продолжают экспозицию, начатую телами техники.

По словам художницы, наша реальность состоит из несметного числа мёртвых, непогребённых тел. Очевидно, что они, как и блуждающая в поисках освобождения техника, ищут спасения, ищут сна.

В этом контексте любопытно ввести сопоставление, прежде относительно искусства Вепревой не предпринимавшееся. Она, рассказывающая про свой интерес к немецкому экспрессионизму, никогда пристально не интересовалась творчеством ленинградского художника Александра Арёфьева. Между тем, произвольное совпадение локации, в которой пребывают два художника, дополняется интересной последовательностью, в которую складываются их работы.

Арёфьев, очевидец Блокады и исследователь телесности, много изображает мёртвые тела. Это — почти документальные изображения, поскольку он ориентировался на натурные впечатления и сам был свидетелем, к примеру, казней военного времени, не говоря уже о мёртвых телах на улицах блокадного города и тем более о жертвах драк и поножовщин, распространённых после войны.

Рана, отображённая в этих работах, трудно представима, документальность — единственный способ с ней как-то совладать. Горе как способ актуализации и переживания исторических травм, предложенное в качестве такового Эткиндом и упомянутое Егором Софроновым в связи с выставкой Вепревой, в данном случае ещё не было и не могло быть действующим инструментом.

Графика из второй части выставки. Серия «Батальные сцены». Предоставлено художником.

Графика из второй части выставки. Серия «Батальные сцены». Предоставлено художником.

Графика из второй части выставки. Серия «Батальные сцены». Предоставлено художником.

Работы Арёфьева — если не единственные, то одни из немногих, где травма не сублимируется, не сглаживается, ей не придано историческое или над-человеческое измерение. Но в них отражена эта общая смазанность картины: тела уже не тела людей, это *просто объекты*. В них нет движения, неуверенности, динамики. Люди стали вещами,

препятствиями и обстоятельствами, с которыми надо мириться и в которых нужно жить.

Именно к этой ситуации, которая по сути стала нашей повседневностью, обращается Анастасия Вепрева. Она не только наделяет технику чувствами (или, может, просто пробуждает в ней чувства). Кроме этого художница пытается вернуть чувства тому, что *(кто)* давно существует без них. Это срыв пластыря, вызывающий сильную боль, но совершенно необходимый, чтобы снова стало можно дышать.

Тела, смешанные в кучу, сплетённые, сшитые между собой временем, смертью, злой волей, потерявшие лица и имена, разложенные на детали и фрагменты — а кроме этих фрагментов будто бы ничего и не осталось — эти тела оказываются собраны воедино из кусочков да косточек, обрастают жизнью. Вепрева использует конституирующую силу взгляда, обращаемого зрителем к искусству, чтобы вернуть им видимость.

Выставка «Легко», 3-я часть. Фото Веры Баркаловой.

Выставка «Легко», 3-я часть. Фото Веры Баркаловой.

Тела вновь становятся людьми. Смерть их становится сном, сном в истории: тела укладываются в кроватки. В одном из текстов к выставке Анастасия Вепрева пишет о младенцах, которых надо уложить спать. И важно не только укладывание: то, что они младенцы, указывает на начало новой жизни.

Конечно, всё это о нежности. Именно к ней ведёт лёгкость и слабость. Нежность как действие, нежность как память, нежность как сон.

Поделиться

[ГЛАВНАЯ](#)

[ПРАКТИКИ ПИСЬМА](#)

[РЕВЬЮ](#)

[ИНТЕРВЬЮ](#)

[АНАЛИТИКА](#)

[АРХИВ](#)

[ДИСКУССИИ](#)

[О РЕДАКЦИИ](#)

[PATREON](#)

[TG](#)

[IG](#)

[FB](#)

[MAIL](#)

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

разработка [accio](#)

2018—2026